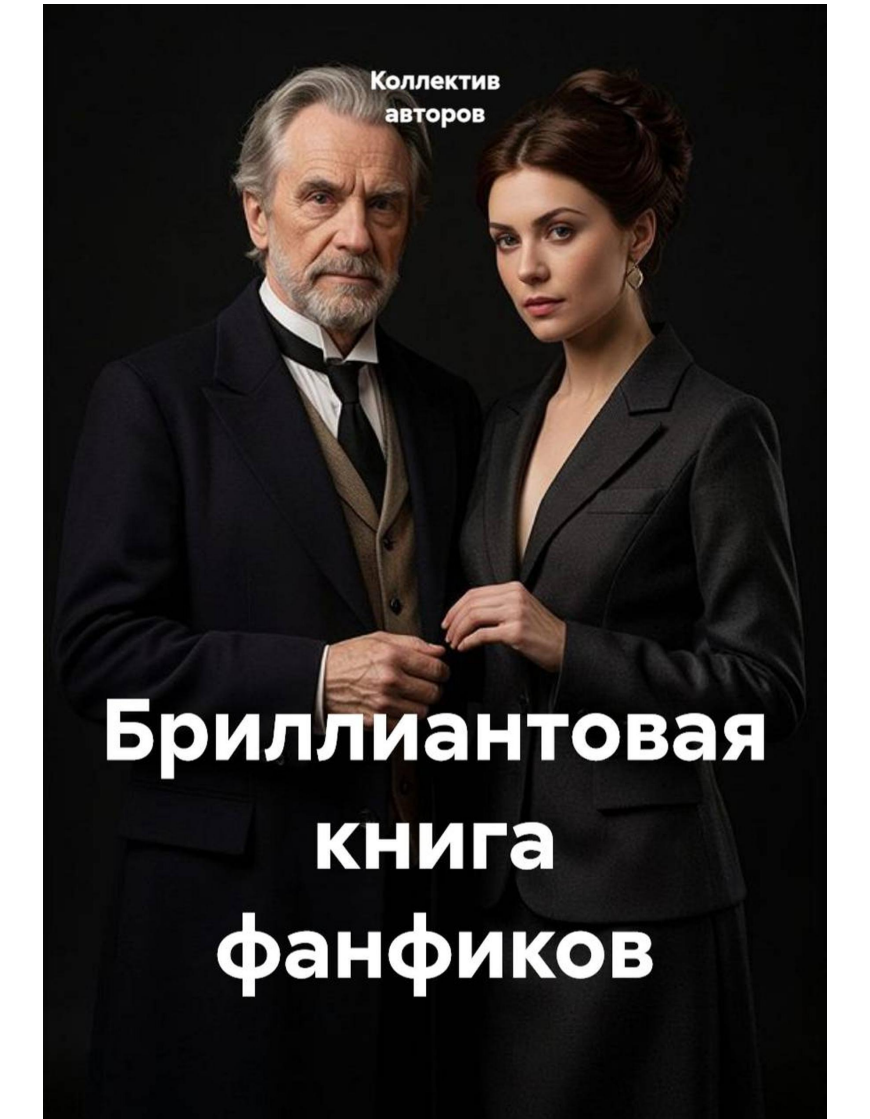

A man with grey hair and a beard, wearing a dark suit, white shirt, and dark tie, stands next to a woman with dark hair styled in an updo, wearing a dark blazer. They are both looking towards the camera. The background is solid black.

Коллектив
авторов

**Бриллиантовая
книга
фанфиков**

Нейросеть Алиса Анастасия Калько Нейросеть Синоним.орг Бриллиантовая книга фанфиков

<https://litres.ru/74492118>

SelfPub; 2026

Аннотация

Новая подборка рассказов по мотивам популярных произведений литературы, поэзии, песен и кино... Истории доктора Хеллеграна и его помощницы мисс Келлар из научной корпорации УБРИ в сериале Ocean Girl, неутомимые Волан-де-Морт и его верная Беллатриса, герои классических произведений и популярных песен - их измененные судьбы по замыслу автора в аранжировке нейросетей Синоним Орг и Алисы, а также несколько уютных добрых рассказов без канона о душевном тепле, дружбе, встречах и незримых связях, которые так важны в нашей жизни.

Содержание

Келлар и сентинелец (канон – т/с «Океанская девочка»)	4
Келлар и гуигнгнымы (т/с «Океанская девочка» и «Путешествия Гулливера» Дж. Свифта)	16
Шторм, Гуигнгнымы и Загадка Деградации (Канон тот же)	22
История рыцаря (исторический рассказ)	31
Лед и Огонь: История Ливонского Рыцаря	35
Полдневный час (стихотворение К. Случевского и сериал «Океанская девочка»)	41
Цена крошки хлеба (Канон тот же)	46
Монастырская весна (по одноименному стихотворению С. Городецкого)	49
Звоны-перезвоны (Канон тот же)	53
Джетт – Галатея (по мотивам т/с Грозовые камни и х/ф Кикбоксер-5. Возмездие)	60
Жемчужина на полу (Канон тот же)	68
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Анастасия Калько, Нейросеть Алиса, Нейросеть Синоним.орг Бриллиантовая книга фанфиков

Келлар и сентинелец (канон – т/с «Океанская девочка»)

Солнце висело над горизонтом, словно раскалённый медный диск, и океан переливался всеми оттенками синего — от нежно-лазурного у берега до глубокого индиго в открытом море. Яхта доктора Хеллеграна, скромная, но надёжная «Морская искра», скользила по волнам, оставляя за собой пенный след. На палубе стояли двое: сам доктор — сухой, собранный, с привычкой всё проверять дважды, и его помощница Келлар, в которой сочетались острый ум и врождённая чуткость к малейшим переменам в настроении людей и природы.

Они путешествовали по Океании не ради отдыха, а ради науки и редких наблюдений: Хеллегран собирал данные

о миграциях китов, Келлар вела дневник биоразнообразия прибрежных вод. Но в одном из портов, где они пополняли запасы воды и фруктов, к ним подошли двое местных — улыбочивые, слишком уж настойчивые, с быстрыми глазами и речью, будто сотканной из полуправд.

— Хотите острых ощущений? — подмигнул один из них, щёлкнув пальцами. — Есть остров, куда никто не ходит. Норт-Сентинел. Там живут люди, которые не любят гостей. Но мы знаем тропу. Проведём близко, покажем, как они живут. За деньги, конечно.

Келлар нахмурилась первой.

— Это не просто «не любят гостей», — тихо сказала она, глядя на доктора. — Это территория, куда официально нельзя заходить. Там люди живут в полной изоляции, и любое вторжение — это риск для них и для нас.

Хеллегран потёр подбородок. Он был человеком осторожным, но любопытство грызло его изнутри, как червь — старое дерево.

— Мы не будем высаживаться надолго, — пробормотал он, скорее убеждая себя, чем её. — Просто посмотрим. С безопасного расстояния. Это же уникальная возможность увидеть традиционную культуру, не нарушая её... почти.

Келлар покачала головой, но спорить не стала: она знала эту его черту — когда наука перевешивает осторожность. И всё же она взяла с собой аптечку, сигнальный пистолет и запасной компас. Просто на всякий случай.

Ночь перед вылазкой выдалась беспокойной: ветер усилился, волны стали выше, и даже чайки кричали как-то тревожно, будто предупреждали. Но утром, когда туман рассеялся, оба гида уже ждали у причала, нетерпеливо постукивая пальцами по борту.

Лодка шла на моторе, но ближе к острову они заглушили двигатель и перешли на вёсла. Вода здесь была прозрачной, как стекло, и сквозь неё виднелись острые рифы, похожие на зубы. Келлар вглядывалась в берег: тёмная полоса джунглей, белый песок, и ни намёка на цивилизацию.

Когда они подошли достаточно близко, чтобы разглядеть фигуры на берегу, у Келлар похолодели пальцы. На пляже стояли люди — обнажённые, с копьями, неподвижные, как статуи. Они не кричали, не махали руками, но их молчание было громче любого крика.

Один из гидов нервно хохотнул.

— Видите? Дикие, но красивые! Как из прошлого века!

Хеллегран достал бинокль и поднёс к глазам. В этот момент один из туземцев поднял копье и метнул его в сторону лодки. Оно упало в воду в нескольких метрах от борта, подняв фонтан брызг.

Тишина взорвалась криками.

Гида схватились за вёсла, лодка рванулась назад, но было поздно: с берега бежали люди, ещё копья летели над водой, рассекая воздух со свистом. Келлар схватила сигнальный пистолет, выстрелила в небо — красная вспышка повисла над

островом, но вместо того, чтобы отпугнуть, она, казалось, только разожгла ярость.

— Гребите! — заорал Хеллегран, сам хватаясь за весло.
— Быстрее!

Лодка металась по волнам, как испуганная птица, мотор не заводился — то ли от влаги, то ли от тряски. Келлар смотрела на берег и видела, как один юноша, молодой, почти мальчик, бежит по кромке воды, не отставая от лодки. Его глаза были полны решимости, копьё поднято.

И вдруг он прыгнул.

Он приземлился на борт, покачнулся, удержался, поднял копьё... и замер.

Его взгляд встретился с взглядом Келлар.

В этом взгляде не было ненависти — только вопрос: «Кто ты?»

Келлар не шевелилась. Она не отводила глаз, не делала резких движений. Она просто смотрела на него, как на человека, а не как на врага.

Юноша опустил копьё. Его грудь вздымалась от бега, пальцы дрожали. Он что-то тихо произнёс на своём языке — слова, которых никто не понял, но в них слышалась усталость и, возможно, удивление.

Мотор наконец взвыл, лодка рванула вперёд, и юноша, будто очнувшись, прыгнул обратно в воду и поплыл к берегу.

Когда остров скрылся за горизонтом, никто не говорил ни слова. Только шум мотора и плеск волн нарушали тишину.

Гиды, бледные и притихшие, больше не предлагали «острых ощущений».

На рассвете «Морская искра» снялась с якоря и ушла в открытое море. Доктор Хеллегран стоял у штурвала, молчаливый и задумчивый, а Келлар сидела на палубе, обняв колени, и смотрела, как солнце окрашивает небо в розовые и золотые тона.

А потом она заметила что-то на досках палубы.

Гроздь бананов — ещё зелёных, но уже пахнущих спелостью. И рядом — каменный нож, грубо обтёсанный, но острый, с рукоятью, обмотанной волокнами.

Келлар подняла его осторожно, словно боясь спугнуть тайну.

— Что это? — спросил Хеллегран, подходя ближе.

— Подарок, — прошептала она. — Или предупреждение.

Доктор посмотрел на нож, потом на горизонт, где уже таили очертания далёких островов.

— Или и то, и другое, — тихо сказал он.

С тех пор они больше никогда не искали «острых ощущений» там, где их не ждут. И каждый раз, когда Келлар брала в руки тот каменный нож, она вспоминала глаза юноши — и понимала, что самое важное открытие — это не новые земли, а умение остановиться вовремя.

Чернокожий юноша стоял по колено в тёплой воде, пока пена от ушедшей волны тихо лизала его ноги. Он не опускал взгляда, даже когда корпус яхты стал сливаться с синевой

горизонта, а огни — меркнуть, будто звёзды, которые гаснут не сразу, а постепенно, уступая место ночи. В памяти у него крепко держался образ белокожей женщины с чёрными волосами и глазами цвета неба над морем в ясный день. В её взгляде не было жадности, как у тех, кто приходит смотреть, словно на зверей. В нём было что-то другое — спокойное, внимательное, будто она хотела не взять, а понять.

Юноша сжал в руке гладкий камень — такой же, как те, из которых делали наконечники. Ему вдруг захотелось сделать ещё один нож, положить его туда, где волны достают до песка, и оставить как знак: «Я помню». Он не знал, вернётся ли эта лодка. И не знал даже, хочет ли этого. Но ему было важно, чтобы где-то остался след, который скажет: здесь был человек, который смотрел и не отвернулся.

На палубе «Морской искры» Хеллегран и Келлар стояли рядом, но не касались друг друга — каждый был погружён в свои мысли. Доктор время от времени поглядывал на каменный нож, лежавший на перилах, будто ждал, что тот заговорит.

— Знаешь, — наконец произнёс Хеллегран, не глядя на Келлар, — я всё думал, что контакт — это когда мы приходим, показываем, объясняем, учим. Приносим цивилизацию, как флаг, который водружают на вершине горы. А тут... тут всё иначе.

Келлар улыбнулась едва заметно.

— Контакт — это когда кто-то поднимает копьё... и опус-

кает его. Просто потому что увидел в тебе человека. Это уже не про флаги. Это про взгляд.

Доктор кивнул.

— Значит, они не безнадёжны, — тихо повторил он, словно пробуя слова на вкус. — Не дикие, не «остатки прошлого». Просто живут по своим правилам, и эти правила работают. Может, нам не столько нужно им что-то принести, сколько научиться не ломать то, что у них уже есть.

Келлар взяла каменный нож и провела пальцем по лезвию — осторожно, уважительно.

— Мы можем изучать их не через подглядывание, а через уважение. Через расстояние, через наблюдение, через терпение. И если когда-нибудь они сами захотят подойти ближе — мы будем готовы. Не с пушками и не с лекциями, а просто... как люди.

Хеллегран посмотрел на неё и впервые за долгое время почувствовал, что наука и совесть наконец идут одной дорогой.

— Тогда пусть этот нож будет не трофеем, а обещанием, — сказал он. — Обещанием не вторгаться. И напоминанием, что иногда самое важное открытие — это вовремя остановиться.

Келлар кивнула и бережно убрала нож в специальный футляр, чтобы он не потерялся среди штормов и ветров.

А где-то далеко, на берегу, юноша наконец повернулся спиной к океану и пошёл прочь от кромки воды, унося с со-

бой образ женщины с глазами цвета моря — как тихий, но прочный мост между двумя мирами, которым пока не нужно было сталкиваться, но которые уже знали о существовании друг друга.

Гроздь бананов на палубе (Канон тот же)

Начальник УБРИ доктор Хеллегран и его помощница Келлар, давно привыкшие к опасным заданиям и необычным ситуациям, решили устроить себе небольшой отдых — путешествие на яхте по океанским просторам Океании. В один из дней, когда они причалили к небольшому острову, к ним подошли местные нелегальные гиды с необычным предложением: экстремальная экскурсия на остров Норт-Сентинел — один из самых загадочных и закрытых уголков планеты, где живут туземцы, практически не контактирующие с внешним миром. «За острыми ощущениями», — улыбаясь, предложили гиды.

Хеллегран и Келлар, привыкшие к риску и всегда жаждущие новых впечатлений, согласились. Они понимали, что это может быть опасно, но именно это и манило их. На следующий день они уже плыли на небольшой моторной лодке к острову, скрытому густыми джунглями и окруженному рифами.

Приближаясь к берегу, они заметили движение — туземцы вышли навстречу. Сначала это были лишь тени среди листвы, затем показались силуэты, а потом и сами аборигены, их тела были раскрашены охрой, а в руках они держа-

ли копья и луки. Гиды, бледные от страха, пытались что-то кричать, но их слова тонули в нарастающем шуме. Внезапно из зарослей послышались воинственные крики, и группа аборигенов, человек двадцать, бросилась к ним. Стрелы зашвистели в воздухе, одна из них вонзилась в борт лодки в нескольких сантиметрах от Келлар.

Началась паника. Хеллегран, мгновенно оценив ситуацию, выхватил свой компактный пистолет и сделал несколько предупредительных выстрелов в воздух. Келлар, не растерявшись, тоже достала свой тазер, но понимала, что против такого количества разъяренных туземцев это бесполезно. Они отстреливались, пытаясь отступить к лодке, которая уже начала отходить от берега. Гиды, бросив весла, в ужасе пригнулись.

В самый критический момент, когда лодка уже почти оторвалась от мелководья, один из юношей-аборигенов, молодой и сильный, с ловкостью дикой кошки прыгнул в лодку. Его тело было напряжено, глаза горели яростью, а в руке он держал острое копье, наконечник которого был обсидиановым. Он занес копье над головой, целясь в Хеллеграна. Все замерли.

Но когда его взгляд скользнул по Келлар — белокожей женщине с черными волосами, разметавшимися от ветра, и голубыми глазами, в которых отражался не страх, а скорее изумление и даже какая-то странная решимость, — его рука дрогнула. Он посмотрел на нее, и в этом взгляде, длившемся

ся всего долю секунды, промелькнуло что-то необъяснимое. Ярость в его глазах сменилась замешательством, а затем и чем-то похожим на любопытство. Он опустил оружие, его грудь тяжело вздымалась.

Хеллегран, воспользовавшись моментом, резко дернул румпель, и лодка рванула вперед, оставляя юношу на берегу. Он стоял, глядя вслед удаляющейся лодке, его копье было опущено, а взгляд прикован к Келлар.

Ночь прошла в напряжении, но без новых столкновений. Яхта отошла на безопасное расстояние, и команда всю ночь дежурила, опасаясь повторного нападения.

На следующее утро, когда первые лучи солнца окрасили небо в нежные розовые и оранжевые тона, яхта снялась с якоря и взяла курс прочь от таинственного острова. На палубе, рядом с местом, где Келлар и Хеллегран пили утренний кофе, они обнаружили неожиданный подарок: гроздь спелых бананов и искусно выточенный каменный нож. Никто не видел, как они появились, но сомнений не было – это был след ночного визита.

В это же время, на берегу Норт-Сентинела, чернокожий юноша, тот самый, что занес копье над Хеллеграном, стоял на кромке воды. Его взгляд был прикован к удаляющимся огням яхты, которые таяли на горизонте. В его глазах читалась смесь тоски, любопытства и чего-то еще, что он сам не мог понять. Он думал о белокожей женщине с черными волосами и голубыми глазами, о ее взгляде, который остановил

его руку. Она была не похожа ни на кого, кого он когда-либо видел, и ее образ навсегда запечатлелся в его памяти.

На палубе яхты Хеллегран и Келлар молча смотрели на горизонт. Тишина была наполнена невысказанными мыслями. Наконец, Хеллегран нарушил ее:

— Знаешь, Келлар, я всегда считал, что с этими аборигенами невозможно установить контакт. Они слишком дики, слишком враждебны. Но то, что произошло...

Келлар кивнула, ее взгляд был задумчив.

— Он мог убить нас, Хеллегран. Но он не сделал этого. Он посмотрел на меня... и остановился.

— Да, — согласился Хеллегран. — И этот подарок... бананы и нож. Это не агрессия. Это... жест.

Они переглянулись. В их глазах читалось новое понимание.

— Возможно, мы ошибались, — продолжил Хеллегран. — Возможно, они не безнадежны. Возможно, и с этими нелюдимыми аборигенами можно установить контакт. И, кто знает, может быть, даже принести им цивилизацию. Не навязывать, а предложить. Показать, что есть другой путь.

Келлар улыбнулась, в ее глазах зажегся огонек надежды.

— Да, Хеллегран. Возможно. Возможно, это было не просто экстремальное приключение, а начало чего-то большего. Начало понимания.

Яхта продолжала свой путь, оставляя позади таинственный остров и его обитателей. Но в сердцах Хеллеграна и Кел-

лар зародилась новая идея, новая миссия. Они поняли, что мир гораздо сложнее и многограннее, чем они представляли, и что даже в самых отдаленных уголках планеты, среди самых нелюдимых народов, можно найти искру человечности, которая может стать мостом между разными мирами. И эта мысль была куда более захватывающей, чем любые острые ощущения.

Келлар и гуигнгнмы (т/ с «Океанская девочка» и «Путешествия Гулливера» Дж. Свифта)

Шторм налетел внезапно — будто океан решил разом стереть с лица воды все следы человеческой суеты. Катер УБРИ, и без того потрепанный дальним переходом, швыряло, как щепку: волны перекатывались через палубу, солёная пена залепляла глаза, а рев ветра заглушал даже треск ломающихся креплений. Келлар вцепилась в поручень, чувствуя, как мир вокруг превращается в бешеное, мокрое безумие. Где-то вдалеке, сквозь вой стихии, она пыталась расслышать голос Хеллеграна по рации, но в эфире царила лишь ледяная, равнодушная тишина.

Когда катер всё-таки выбросило на берег, Келлар очнулась от того, что по лицу хлестала не вода, а тёплый, пахнущий травами воздух. Она лежала на влажном песке, в ушах звенело, а перед глазами плясали тёмные круги. Медленно, с трудом, она приподнялась, оглядываясь. Берег был диким: высокие травы, тёмные скалы, а за ними — лес, густой и молчаливый. И ни следа цивилизации. Ни дымка, ни тропы, ни даже обломков чего-то рукотворного. Только природа.

да, огромная, древняя и совершенно чужая.

Келлар поднялась, пошатываясь, и побрела вдоль берега, пытаясь собраться с мыслями. Нужно было найти укрытие, оценить повреждения катера, попытаться восстановить связь. Но чем дальше она шла, тем яснее становилось: здесь никто не ждал гостей. И всё же, спустя несколько часов блужданий, она заметила движение среди деревьев. Фигуры. Высокие, стройные, с гордой осанкой. Не люди. Лошади. Но... не просто лошади.

Они двигались с достоинством, почти с осознанностью, и смотрели на неё не с животным любопытством, а с пристальным, изучающим вниманием. Одна из них, самая крупная, вышла вперёд и заговорила. Голос был низким, ровным, удивительно человеческим по интонации, хотя слова звучали непривычно, словно язык складывался из ржания, цоканья копыт и едва уловимых пауз, наполненных смыслом.

Сначала Келлар не поняла ни слова. Она стояла, сжимая в руке бесполезный теперь коммуникатор, и чувствовала себя одновременно уязвимой и упрямой. Но гуингмы не спешили нападать. Они наблюдали. Оценивали. И постепенно, день за днём, между ними и Келлар начало выстраиваться нечто вроде диалога.

Она училась их языку, как ребёнок учится первым словам: повторяя звуки, угадывая значения по жестам и взглядам. Гуингмы были терпеливы. Они не торопили, не смеялись над ошибками, а мягко поправляли, показывая, как од-

но и то же понятие можно выразить разными оттенками интонации. Взамен Келлар рассказывала о себе: о море, о яхте, о Хеллегроне, о далёких городах, где люди живут в высоких зданиях и разговаривают друг с другом через экраны.

Со временем она стала замечать и другую сторону этого мира — еху. Существа, похожие на людей, но словно выцветшие, искажённые. Они бродили по окраинам поселений гуигнгмов, жили в грязи, дрались из-за объедков и смотрели на мир с тупой злобой или пустым безразличием. Келлар наблюдала за ними долго, записывая в потрёпанный блокнот всё, что удавалось заметить: повадки, реакции, даже редкие попытки общения. И чем больше она смотрела, тем яснее становилась картина.

Дело было не в природе. Не в том, что еху изначально были «плохими» или «дикими». Всё было проще и страшнее одновременно: несколько поколений назад сюда попала супружеская пара — обычные люди, потерпевшие крушение. Они выжили, нашли убежище, но оказались отрезаны от остального мира. И, не имея выбора, их потомки стали вступать в браки друг с другом. Инцест, повторявшийся из поколения в поколение, постепенно разрушал генетический фонд. Вырождение шло не от порока, а от безысходности.

Келлар поделилась своими выводами с гуигнгмами. Те выслушали её спокойно, без осуждения, лишь слегка наклонив головы, будто взвешивая каждое слово. Для них истина была важнее эмоций. Они не презирали еху — скорее,

жалели их, как жалеют больных, которых нельзя вылечить. И в этом спокойном, лишённом пафоса сострадания Келлар увидела нечто, чего ей самой порой не хватало в мире людей.

Дни складывались в недели. Келлар жила среди гуигнгмов, училась у них не только языку, но и образу мыслей. Их общество было построено на разуме, честности и взаимном уважении. Здесь не было лжи ради выгоды, не было пустых обещаний и игр в статус. И всё же они не были бездушными. Они умели радоваться простым вещам: свежему ветру, хорошей траве, тишине после дождя.

А Келлар... она удивляла их в ответ. Её привычка курить вызывала у гуигнгмов лёгкое недоумение — они не понимали, зачем вдыхать дым, если он не несёт смысла. Отсутствие кофе она оплакивала почти театрально, и гуигнгмы, не зная, что это такое, всё равно кивали, словно разделяя её тоску по чему-то далёкому и дорогому. А когда она снимала одежду, чтобы искупаться в тёплом ручье или лечь спать, гуигнгмы смотрели на это с терпеливым интересом, будто пытаются постичь логику странного ритуала.

Постепенно Келлар начала видеть мир их глазами. И с этой новой точки зрения человеческая цивилизация выглядела... странно. Спешка, шум, бесконечные споры из-за мелочей, ложь, которую произносят с улыбкой, и доброта, которую прячут за делами. Люди казались ей одновременно великими и нелепыми — как дети, которые строят сложные замки из песка, забывая, что волны всё равно их смоют.

Но она не начала их презирать. Напротив, в её сердце проснулась тихая, горьковатая нежность к своему виду. К людям, которые так отчаянно пытаются быть лучше, даже когда у них не получается. К Хеллеграну, который всегда верил в науку и разум, к команде УБРИ, к океану, который она любила больше всего на свете.

Когда шторм утих и море снова стало гладким, как зеркало, гуингмы помогли ей починить катер. Они не спрашивали, почему она хочет уехать. Они просто делали то, что считали правильным: помогали тому, кто нуждался в помощи. И когда настал день прощания, Келлар стояла на берегу, чувствуя, как к горлу подступает комок, который никак не получалось проглотить.

— Спасибо, — сказала она, глядя на того самого гуингма, который первым заговорил с ней. — За то, что вы были добры ко мне. За то, что научили меня видеть иначе.

Он склонил голову в лёгком поклоне.

— Ты принесла нам знание, — ответил он. — И мы благодарны за это.

Келлар вернулась на катер, завела двигатель и повела судно прочь от берега, пока очертания острова не растворились в дымке горизонта. И только когда связь наконец восстановилась, и в наушниках раздался голос Хеллеграна, полный облегчения и тревоги, она поняла, что сейчас придётся ответить на самый главный вопрос.

— Келлар! Где ты была? Мы уже думали, что потеряли

тебя! Дай координаты, мы вышлем подкрепление!

Она на секунду закрыла глаза, вспоминая спокойные, мудрые глаза гуингмов и печальные, пустые взгляды еху. Вспоминала тишину леса, запах травы и то странное чувство, когда вдруг понимаешь, что мир гораздо сложнее, чем казался раньше.

— Прости, Хеллегран, — тихо сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я... потеряла флешку. Все данные, все координаты — всё пропало во время шторма.

В эфире повисла пауза.

— Как это — потеряла? Келлар, ты серьёзно?

— Серьёзно, — повторила она, глядя вперёд, туда, где небо сливалось с морем в единую бесконечную линию. — Прости. Но, может быть... так и должно быть. Пусть этот остров останется тайной.

И, отключив связь, она повела катер дальше, в открытое море, унося с собой не только воспоминания, но и новое понимание того, что значит быть человеком.

Шторм, Гуигнгнмы и Загадка Деградации (Канон тот же)

Келлар, помощница доктора Хеллеграна из УБРИ, всегда была воплощением спокойствия и профессионализма. Ее острый ум и неутомимая энергия делали ее незаменимой в команде, занимающейся изучением океанских глубин и их тайн. Но даже самые опытные исследователи не могли предвидеть, какой поворот примет их очередная экспедиция.

Небо над Тихим океаном внезапно свинцово потемнело. Ветер, еще недавно ласковый, превратился в яростный шквал, вздымая волны до небес. Катер, на котором Келлар и несколько членов команды проводили замеры, оказался в эпицентре стихии. Мощный удар волны, казалось, раскололо судно пополам. Келлар, крепко вцепившись в поручень, почувствовала, как ее подбрасывает в воздух, а затем – провал в ледяную бездну.

Когда она пришла в себя, то лежала на мягком, влажном песке. Солнце, уже не злое, а ласковое, грело ее лицо. Вокруг простирался незнакомый берег, усеянный причудливыми растениями и странными, светящимися камнями. Катер, разбитый, но узнаваемый, лежал неподалеку, выброшенный на берег, словно игрушка. Келлар была одна.

Первые часы прошли в тумане шока и боли. Она осмот-

рела себя – к счастью, травмы были несерьезными, скорее ушибы и ссадины. Главное – она была жива. Но где она? И как вернуться?

Внезапно ее взгляд упал на движение в зарослях. Из-за кустов показалось существо, которое Келлар не могла классифицировать ни в одном из известных ей видов. Оно было похоже на лошадь, но с более изящным телосложением, длинной, шелковистой гривой, переливающейся всеми оттенками радуги, и большими, умными глазами, в которых читалось любопытство. Существо издало мелодичный звук, похожий на звон колокольчиков.

Келлар, несмотря на страх, почувствовала прилив решимости. Она встала, отряхнулась и медленно пошла навстречу незнакомцу. Существо не проявляло агрессии, лишь наклонило голову, словно изучая ее.

"Привет," – сказала Келлар, понимая, что ее слова, скорее всего, будут непонятны.

В ответ существо издало еще один мелодичный звук, а затем, к ее удивлению, из зарослей появились еще несколько таких же существ. Они окружили ее, но не враждебно, а скорее с явным интересом. Келлар поняла, что попала в страну гуигнгнмов, о которых читала в старых, полузабытых легендах, считавшихся вымыслом.

Первые дни были полны недопонимания и попыток наладить контакт. Гуигнгнмы, как оказалось, общались с помощью сложных звуков, интонаций и движений гривы. Кел-

лар, обладая феноменальной способностью к обучению, начала улавливать закономерности. Она использовала жесты, рисунки на песке и даже пыталась имитировать их звуки. Постепенно, к ее огромной радости, начался диалог.

Она узнала, что гуигнгнымы – разумные существа, живущие в гармонии с природой. Их общество было построено на принципах взаимопомощи, искренности и доброжелательности. Они не знали войн, зависти или обмана. Келлар была поражена их простотой и чистотой нравов.

Она рассказывала им о своем мире – о городах, устремленных в небо, о машинах, летающих по воздуху и путешествующих под водой, о медицине, способной побеждать болезни, и о науке, раскрывающей тайны Вселенной. Гуигнгнымы слушали с неподдельным восторгом, их радужные гривы трепетали от удивления. Они задавали множество вопросов, их любопытство было безграничным.

"Ты говоришь, что у вас есть 'кофе'?" – спросил один из гуигнгнмов, чья грива отливала изумрудным. "Что это такое? Оно дает силу?"

Келлар улыбнулась. "Это напиток, который помогает нам просыпаться и быть более энергичными. Он имеет горьковатый вкус, но многие его любят." Она пожалела, что не смогла продемонстрировать.

"А почему ты носишь эти странные шкуры?" – спросил другой, чья грива переливалась золотом. "Мы видим, что ты снимаешь их, когда купаешься или когда ложишься спать."

Они мешают тебе?"

"Это одежда," – объяснила Келлар. "Она защищает нас от холода и солнца, а также... ну, это просто принято в нашем мире. Мы считаем, что тело должно быть прикрыто в обществе."

Гуигнгнмы переглянулись, их большие глаза выражали непонимание. Для них идея прикрывать свое тело казалась странной. Они были существами, чья кожа была покрыта мягкой, переливающейся шерстью, и они не видели необходимости в дополнительных покровах.

"А еще ты делаешь вот так," – произнес гуигнгнм с серебристой гривой, поднося к губам воображаемую палочку и делая вид, что затягивается. Келлар поняла, что они наблюдали за ней, когда она, по привычке, доставала из кармана пачку сигарет и закуривала, пытаясь успокоить нервы.

"Это... это привычка," – сказала она, чувствуя легкое смущение. "Это тоже помогает мне расслабиться."

"Но разве природа не дает вам все, что нужно для расслабления?" – спросил первый гуигнгнм. "Здесь, на нашем острове, мы находим покой в пении птиц, в шуме волн, в аромате цветов. Зачем вам что-то еще?"

Келлар не могла ответить. Она понимала, что их мир, мир гуигнгнмов, был наполнен естественной гармонией, которой так не хватало ее собственному.

Однажды, наблюдая за стайкой существ, похожих на диких, неуклюжих обезьян, которые с жадностью пожирали ка-

кие-то плоды, Келлар почувствовала холодок по спине. Они были покрыты грубой, грязной шерстью, их движения были резкими и неловкими, а в глазах не было и тени того разума и доброты, что она видела у гуигнгнмов.

"Кто это?" – спросила она у своего нового друга, гуигнгнма с изумрудной гривой.

"Это еху," – ответил он с легкой грустью. "Они живут здесь, на окраине нашего острова. Они... они не такие, как мы."

Келлар стала наблюдать за еху более внимательно. Она видела, как они дерутся за пищу, как их самки рожают уродливых детенышей, как они не проявляют никакой заботы друг о друге. Это было зрелище полного упадка.

"Почему они такие?" – спросила она. "Они больны?"

Гуигнгнм вздохнул. "Нет, они не больны. Они... они потомки тех, кто пришел сюда давным-давно. Они были людьми, как ты. Но они оказались здесь одни, без своих сородичей. И чтобы продолжить свой род, им пришлось... им пришлось вступать в брак друг с другом. Их дети женились на своих братьях и сестрах, а их внуки – на своих двоюродных братьях и сестрах. Так продолжалось из поколения в поколение."

Келлар замерла. Она поняла. Это не была врожденная склонность к деградации. Это был результат инцеста. Несколько поколений близкородственного скрещивания привели к тому, что потомки этих людей выродились в при-

митивных, диких существ.

"Значит... значит, это не их вина?" – прошептала она.

"Никто не винит их," – ответил гуигнгнм. "Но это печально. Они потеряли то, что делало их людьми."

Эта мысль поразила Келлар. Она поняла, что для людей, живущих в ее мире, где существуют строгие социальные нормы и законы, подобная деградация не грозит. У них есть возможность выбирать партнеров, избегая близкородственных связей. Это давало надежду.

Время шло. Келлар научилась говорить на языке гуигнгнмов, ее понимание их культуры росло с каждым днем. Она делилась с ними своими знаниями, рассказывала о звездах, о строении атома, о музыке, о литературе. Гуигнгнмы, в свою очередь, учили ее понимать язык природы, чувствовать ритм жизни острова, находить гармонию в простом существовании.

Но время шло, и Келлар начала чувствовать тоску по дому. Она скучала по своим коллегам, по доктор Хеллеграну, по привычному миру, пусть и такому далекому от совершенства гуигнгнмов. Она знала, что ее отсутствие вызовет тревогу, и ей нужно было найти способ вернуться.

Однажды, когда она сидела на берегу, наблюдая за закатом, один из гуигнгнмов, с гривой цвета вечернего неба, подошел к ней.

"Ты грустишь, Келлар," – сказал он, его голос был полон сочувствия.

"Да," – призналась Келлар. "Я скучаю по своему дому. Я хочу вернуться."

Гуигнгнм кивнул. "Мы понимаем. Мы поможем тебе, чем сможем. Но ты должна знать, что наш мир – это не место для твоих машин и твоих городов. Здесь другая жизнь."

Келлар знала это. Она видела, как ее мир, с его технологиями и амбициями, мог бы показаться гуигнгнмам странным и даже пугающим. Она видела, как ее собственные привычки – курение, зависимость от кофе, необходимость носить одежду – казались им нелогичными и даже нелепыми.

"Я понимаю," – сказала она. "И я не хочу ничего менять в вашем мире. Я просто хочу вернуться домой."

Гуигнгнмы помогли ей собрать остатки катера, укрепить его, насколько это было возможно. Они дали ей припасы – фрукты, воду, и что-то похожее на питательные водоросли. Они показали ей, как ориентироваться по звездам, как ловить ветер.

В день отплытия, когда Келлар стояла на палубе своего потрепанного катера, готовая отправиться в неизвестность, она обернулась к своим новым друзьям.

"Спасибо вам за все," – сказала она, ее голос дрожал от эмоций. "Я никогда не забуду вас."

Гуигнгнмы склонили головы, их радужные гривы мягко колыхались на ветру.

"Иди с миром, Келлар," – сказал гуигнгнм с изумрудной гривой. "Пусть твой путь будет легким."

Келлар отплыла. Она смотрела на удаляющийся берег, на силуэты гуигнгнмов, пока они не исчезли из виду. В ее сердце была смесь грусти и благодарности. Она поняла, что, несмотря на все различия, между ней и этими существами возникла глубокая связь.

Путешествие обратно было долгим и трудным. Келлар боролась со стихией, с голодом и одиночеством. Но она не сдавалась. Она знала, что ее ждут, и что она должна вернуться с рассказом.

Когда она, наконец, добралась до цивилизации, ее встретили как пропавшую без вести. Доктор Хеллегран был вне себя от радости и облегчения. Он тут же начал расспрашивать ее о том, где она была, что видела.

Келлар рассказала ему о шторме, о крушении, о том, как она оказалась на острове. Она рассказала о гуигнгнмах – об их мудрости, их доброте, их гармоничной жизни. Она рассказала о еху, и о том, как они выродились из-за инцеста, и как это давало надежду на то, что человечество не обречено на подобную деградацию.

Но когда доктор Хеллегран спросил ее о координатах острова, Келлар замялась.

"Я... я потеряла флешку," – сказала она, глядя ему прямо в глаза. "На ней были все записи. Я не помню точных координат."

Доктор Хеллегран был разочарован, но он видел искренность в ее глазах. Он знал, что Келлар не лжет.

Келлар же, глядя на суету и беспокойство своего мира, на его вечные конфликты и стремление к материальному, не могла не думать о гуигнгнмах. Она не презирала людей, но она видела, как странно они живут, по сравнению с искренними, незлобивыми и прямодушными гуигнгнмами. Она поняла, что ее опыт на острове изменил ее навсегда. И она знала, что никогда не раскроет тайну острова гуигнгнмов, сохранив его в своем сердце как напоминание о другом, более совершенном мире.

История рыцаря

(исторический рассказ)

Звали его Арнольд фон Кройц, и в свои двадцать два года он искренне полагал, что мир создан для того, чтобы он в нём блистал. Высокий, статный, с русыми кудрями, выбивавшимися из-под шлема, он умел одним движением поправить наплечник так, чтобы все девицы в замке замирали от восторга. Арнольд гордился своим родом — древним, как сами ливонские леса, и своим орденом, где братство казалось ему не просто союзом воинов, а чем-то вроде вечного праздника чести и славы.

Он обожал латы: тяжёлые, отполированные до зеркального блеска, они, по его мнению, были не просто защитой, а настоящим произведением искусства. Конь его, вороной жеребец по кличке Рагнар, был предметом особой гордости: быстрый, как ветер, и послушный, как верный пёс. Арнольд любил повторять, что Рагнар чувствует малейшее движение его ноги и понимает даже взгляд. А уж о своём боевом искусстве он мог говорить часами: как ловко он владел копьём, как точно бил мечом, как в учебных схватках укладывал на землю даже опытных наставников.

Перед дамами Арнольд особенно любил красоваться. Он умел рассказать о рыцарских подвигах так, будто сам сра-

жался с драконами, а не с упрямыми крестьянами на учениях. В его устах любая стычка с разбойниками превращалась в эпическую битву, где он один спасал караван и заслуживал вечную благодарность всех купцов Ливонии. И дамы слушали, вздыхая и прикрывая веера, а он ловил эти взгляды и чувствовал себя почти королём.

Но зима того года оказалась не такой, как прежние. Когда прозвучал призыв выступить против новгородцев, Арнольд воспринял это как долгожданный шанс доказать всем, что он не просто хвастун, а настоящий рыцарь, достойный своего ордена. В строю он держался прямо, с высоко поднятой головой, и шептал себе под нос: «Сегодня я стану легендой».

Ледовое побоище началось для него как в тумане. Сначала был грохот, лязг металла, крики, рёв труб — всё слилось в единую, оглушающую симфонию битвы. Лёд под ногами трещал, будто сам мир протестовал против этой резни. Арнольд помнил, как ринулся вперёд, как копьё его встретило чью-то броню, как Рагнар рвался сквозь ряды врагов, словно хотел прорваться сквозь самую смерть. Он кричал что-то о чести и ордене, но его голос тонул в общем рёве сражения.

А потом лёд треснул.

Это случилось внезапно: один неверный шаг, и земля — точнее, лёд — ушла из-под ног. Арнольд провалился в ледяную воду, и холод ударил его так, будто тысячи ножей вонзились в тело. Латы, которые он так любил, теперь тянули его вниз, словно хотели утащить на дно, в тёмное царство мёрт-

вых. Вокруг кричали, тонули, исчезали под водой его братья по ордену. Он видел, как рядом ушёл под лёд молодой рыцарь, с которым ещё вчера делил хлеб и шутки у костра. Видел, как другой пытался выбраться, но лёд крошился под его руками, и он снова исчезал в чёрной воде.

Арнольд боролся. Он цеплялся за кромку льда, срывая ногти, кусая губы от боли и холода. Наконец, ему удалось выбраться, дрожа всем телом, едва дыша. Лёд вокруг него был усеян телами, и он понял, что многие из тех, кто ещё утром смеялся и шутил, теперь навсегда остались здесь, в ледяной могиле Чудского озера.

С трудом, шатаясь, он добрался до Рагнара, который чудом уцелел и стоял неподалёку, нервно переступая ногами и всхрипывая от страха. Арнольд взобрался на него, чувствуя, как каждая мышца кричит от усталости и холода, а латы, промокшие и тяжёлые, сковывают движения. Он повернул Рагнара прочь от этого ада, прочь от места, где только что погибла часть его души.

За ним летели стрелы. Новгородцы преследовали отступающих, и стрелы свистели в воздухе, словно злые осы. Одна ударилась о его нагрудник, другая скользнула по наплечнику. Латы снова спасли его, но теперь он не чувствовал гордости — только ледяное опустошение. Каждая вмятина на металле казалась ему шрамом на сердце, напоминанием о том, сколько жизней унесла эта битва.

Когда он наконец оказался в безопасности, вдали от по-

ля битвы, Арнольд спешился и опустился на колени, не в силах больше держаться на ногах. Рагнар ткнулся носом ему в плечо, будто хотел утешить. Арнольд обнял коня, прижался лбом к его тёплой шее и заплакал — впервые за много лет. Слезы были горячими на его обмороженном лице, и он не стыдился их.

С того дня Арнольд изменился. Он больше не хвастался своими латами, не рассказывал баек о подвигах, не старался произвести впечатление на дам. Он стал тише, задумчивее, чаще молчал, глядя на закат, и вспоминал лица тех, кто не вернулся с Чудского озера. Рыцарское братство для него теперь означало не весёлые пиры и громкие слова, а молчаливое уважение к тем, кто стоял рядом в бою и не побоялся встретить смерть лицом к лицу.

Он продолжал служить ордену, но делал это без прежнего самодовольства. Его боевое искусство стало ещё совершеннее, но он больше не кичился этим. Теперь он сражался не ради славы, а ради тех, кто уже не мог сражаться. И если кто-то из молодых рыцарей начинал хвастаться, Арнольд лишь мягко улыбался и говорил: «Слава — это не звон металла и не восторженные взгляды. Слава — это когда ты помнишь тех, кто остался на льду, и стараешься быть достойным их памяти».

И этот урок, выученный на ледяных просторах Чудского озера, Арнольд фон Кройц запомнил навсегда.

Лед и Огонь: История Ливонского Рыцаря

Сэр Отто фон Ливенштейн, как и подобало молодому рыцарю из знатного ливонского рода, был воплощением юношеской удачи и безрассудной отваги. Высокий, статный, с копной золотистых волос, что так выгодно оттеняли его голубые глаза, он был любимцем дам и завидным женихом. Его улыбка, широкая и обезоруживающая, могла растопить лед, а его смех, звонкий и заразительный, часто разносился по залам орденских замков.

Отто гордился всем, что имел. Он гордился своим Орде-ном, его древней историей, его непоколебимой силой, его крестом, что сиял на его плаще. Он гордился своими латами – сверкающими, идеально подогнанными, выкованными лучшими мастерами Ливонии. Каждый элемент, от шлема с изящным гребнем до сабонов, был произведением искусства, и Отто любил, когда солнечные лучи играли на их полированной поверхности, отражаясь тысячами бликов. Он гордился своим конем, могучим вороным жеребцом по кличке Гром, чьи копыта, казалось, могли сотрясти землю. Гром был таким же гордым и красивым, как и его хозяин, и они составляли великолепную пару, вызывая восхищение и зависть.

Но больше всего Отто гордился своим боевым искус-

ством. Он был виртуозом меча, его удары были быстры и точны, а его щит, украшенный гербом его рода, всегда был там, где нужно. Он любил тренироваться на плацу, демонстрируя свою ловкость и силу, особенно когда на стенах замка собирались дамы. Их восхищенные взгляды были для него лучшей наградой, а их аплодисменты – слаще любого вина. Он был хвастлив, да, но его хвастовство было искренним, рожденным из уверенности в своих силах и непоколебимой веры в непобедимость Ордена.

«Смотрите, дамы!» – кричал он, ловко уворачиваясь от удара тренировочного меча своего товарища. «Разве не прекрасен этот танец стали? Разве не прекрасен этот танец, что мы, рыцари, танцуем с самой смертью?» И дамы смеялись, краснели и бросали ему цветы, а Отто, сияя, ловил их и прижимал к сердцу.

Он любил рыцарское братство, эти крепкие узы, что связывали его с другими воинами Ордена. Они были его семьей, его опорой, его товарищами по оружию. Вместе они пировали, вместе тренировались, вместе мечтали о славе и подвигах. И когда пришел приказ идти на восток, на Чудское озеро, чтобы усмирить новгородцев, Отто был полон энтузиазма. Это будет славная битва, думал он, еще одна победа, которая принесет честь Ордену и прославит его имя.

Утро 5 апреля 1242 года было морозным и серым. Лед на Чудском озере казался крепким, но под ним таилась предательская глубина. Отто, в своих сверкающих латах, на могу-

чем Громе, чувствовал себя непобедимым. Он был в первых рядах, его сердце колотилось от предвкушения битвы. «За Орден! За Христа!» – кричал он, поднимая свой меч, и его голос сливался с тысячами других голосов.

Но то, что произошло дальше, было не славной битвой, а кошмаром, который навсегда запечатлелся в его памяти. Новгородцы, под предводительством князя Александра, оказались куда более многочисленными и свирепыми, чем ожидалось. Их легкие отряды, вооруженные луками и топорами, были подобны стае волков, нападающих на неповоротливого медведя. А потом началось самое страшное.

Лед.

Под тяжестью рыцарских доспехов, под топотом сотен коней, он начал трещать. Сначала это были едва слышные звуки, потом – оглушительный грохот. Земля, или, вернее, лед, под ногами Отто задрожал, а затем провалился.

Мир перевернулся. Холод, пронзительный, леденящий, обхватил его со всех сторон. Он почувствовал, как его латы, его гордость, его защита, теперь тянут его вниз, в черную, ледяную бездну. Гром, его верный Гром, заржал от ужаса, и Отто увидел, как его могучее тело исчезает под водой, увлекая за собой и других рыцарей.

Вокруг него был хаос. Крики, стоны, бульканье воды, треск льда. Он барахтался, пытаясь выбраться, но тяжесть доспехов была невыносимой

. Его руки, облаченные в стальные перчатки, казались бес-

полезными, неспособными ухватиться за скользкий, предательский лед. Он чувствовал, как вода заполняет его шлем, как холод проникает сквозь мельчайшие щели в латах, обжигая кожу. Страх, доселе неведомый ему, сковал его сердце ледяными тисками. Это был не страх перед врагом, а страх перед самой стихией, перед безжалостной силой природы, которая могла в одно мгновение уничтожить все, что он ценил.

Он видел, как его товарищи, такие же облаченные в сталь воины, исчезают под водой, как их яркие плащи и сверкающие шлемы становятся лишь призрачными тенями в мутной глубине. Он слышал их предсмертные крики, которые быстро заглушались ревом воды. Отто, всегда такой уверенный в себе, такой жизнерадостный, чувствовал, как его силы покидают его. Он был обречен.

Но в этот момент, когда сознание начало меркнуть, когда холод стал невыносимым, он почувствовал, как что-то твердое подхватило его. Это был край проруби, образовавшейся от падения одного из его товарищей. С последним отчаянным усилием, собрав остатки сил, Отто ухватился за него. Его пальцы, окоченевшие от холода, с трудом цеплялись за лед. Он тянул себя вверх, чувствуя, как каждый мускул кричит от боли.

Наконец, с оглушительным хрипом, он выбрался на поверхность. Он лежал на льду, тяжело дыша, его тело дрожало от холода и пережитого ужаса. Его сверкающие латы, еще

недавно предмет его гордости, теперь были покрыты грязью и илом, их блеск потускнел. Он был мокрым, измученным, но живым.

Он огляделся. Вокруг была картина разрушения. Лед был испещрен прорубями, на нем лежали тела его товарищей, их лица искажены предсмертной агонией. Новгородские лучники, заметив его, начали стрелять. Стрелы свистели в воздухе, но Отто, лежавший на льду, казался им неинтересной добычей. Он был слишком изможден, чтобы встать.

Но тут он вспомнил о Громе. Его верный конь, если он выжил, мог стать его спасением. С трудом поднявшись на ноги, Отто побрел в сторону, где, как он помнил, находилась его конюшня. Он шел, спотыкаясь, его ноги казались ватными. И вот, среди хаоса и разрушения, он увидел его. Гром стоял, дрожа, его бока были покрыты пеной, но он был жив.

Отто, не раздумывая, взобрался на коня. Он не мог найти своего седла, но это было неважно. Он просто хотел убраться отсюда как можно скорее. Новгородские стрелы продолжали лететь, но теперь они попадали в его латы, отскакивая от них с глухим стуком. Его доспехи, которые чуть не стали его могилой, теперь спасали ему жизнь.

Он скакал прочь от Чудского озера, прочь от поля битвы, прочь от смерти. Он не оглядывался. В его сердце не было места для хвастовства или гордости. Была только пустота и холод, который проникал глубже, чем ледяная вода.

С тех пор Отто фон Ливенштейн изменился. Он по-преж-

нему был рыцарем, по-прежнему служил Ордену, но его улыбка стала реже, а смех – тише. Он больше не хвастался своими латами, своим конем или своим боевым искусством. Он знал, что все это может быть отнято в одно мгновение. Он научился ценить жизнь, ценить каждый вдох, каждый луч солнца. Урок, который он получил на Чудском озере, был жестоким, но он запомнился навсегда. Лед и огонь – так он теперь называл битву, которая изменила его навсегда. Лед, что чуть не поглотил его, и огонь, что горел.

Полдневный час (стихотворение К. Случевского и сериал «Океанская девочка»)

Келлар крепко сжимала руль внедорожника, чувствуя, как горячий воздух, будто густой сироп, льётся в приоткрытое окно. Кондиционер работал на полную, но даже сквозь гул мотора и шелест воздуха пробивалось это странное, почти звенящее безмолвие — такое бывает, когда жара не просто греет, а словно вытягивает из мира все лишние звуки.

Пустыня Микалинга раскинулась вокруг, будто застывшая в полдневном приговоре. Келлар прищурилась, глядя вперёд: блеск слепил глаза, и казалось, что воздух над землёй дрожит, кипит, переливается мигающими искрами. Тени не было — ни от редких кустов, ни от самого внедорожника. Только резкие блики, режущие взгляд.

Она вспомнила строки, которые когда-то выписала в блокнот, ещё в юности, когда увлекалась поэзией: «Полдневный час. Жара гнетёт дыханье...» — точно про это место, про этот миг. И дальше: «Везде оцепененье...» — да, именно так. Природа будто затаила дыхание. Даже ветер сдался и стих.

Келлар медленно вела машину, вглядываясь в пейзаж. Трава, сухая и ломкая, лежала, прижатая к земле, словно пы-

талась спрятаться от безжалостного солнца. Где-то вдалеке мелькнула тень — может, ящерица, может, птица, — но тут же исчезла, скользнула в щель между камнями, в спасительную темноту. Зверь укрылся, потому что жжёт движение... Келлар невольно улыбнулась горькой улыбкой: стихи будто знали, что она увидит сегодня.

Внезапно пустынный пейзаж сменился ровными, геометрически правильными линиями полей. Агрохолдинг «Санрайз» занимал десятки гектаров, и сейчас здесь кипела работа, не подвластная ни зною, ни усталости. Комбайны ползли по пшеничным волнам, как стальные жуки, жадно пожирая колосья. Пыль поднималась за ними, смешиваясь с горячим воздухом, оседая на металлических боках машин. Грузовики, тяжёлые, нагруженные до краёв, медленно разворачивались, чтобы увезти зерно на мельницу.

Келлар остановилась на обочине, вышла из машины, прикрыв глаза ладонью. Она смотрела, как люди в широкополых шляпах и защитных очках управляют этой железной стихией. Их движения были размеренными, почти ритуальными: никакой суеты, только чёткий ритм, выверенный годами. Здесь не было места слабости — хлеб не будет ждать. Страда... Келлар тихо повторила это слово, чувствуя его тяжесть. Оно несло в себе не только труд, но и ответственность, почти священную обязанность.

Спустя пару часов Келлар сидела в полутёмном зале ресторана «Морской бриз», наслаждаясь прохладой и тиши-

ной, которая здесь казалась почти искусственной после оглушающей тишины пустыни. Веранда выходила на залив, и лёгкий ветерок приносил запах соли и водорослей, слегка разбавляя душный городской воздух.

Рядом, на открытой веранде, разворачивалась совсем другая жизнь. Молодой парень, развалившись на стуле, болтал по телефону и от скуки катал хлебные шарики, подбрасывал их, ловил, а потом швырял через перила вниз, где их тут же подхватывал ветер. Келлар смотрела на это, и внутри поднималось что-то похожее на раздражение, смешанное с грустью.

Чуть дальше манерная девица с идеально уложенными волосами аккуратно выскребала крем из песочной корзиночки, отправляя его в рот с видом, будто совершает некий ритуал. А саму корзиночку, хрустящую, золотистую, она без колебаний бросила в урну, небрежно махнув рукой: «Не ем мучное!»

В бэби-зоне двое детей, смеясь, фехтовали хлебными палочками, как шпагами. Звонкий смех, хлопки, потом — хруст: палочки ломались в их руках, а обломки они растаптывали ногами, превращая в крошку, не замечая, что делают.

Келлар смотрела на эту картину, и перед глазами снова вставали комбайны, ползущие по полям под раскалённым небом, грузовики, тяжело гружённые зерном, лица рабочих, уставшие, но сосредоточенные. Она вспомнила, как в детстве бабушка говорила: «Хлеб — всему голова», и тогда это

казалось просто поговоркой. А теперь...

«Бездельники! Вас бы туда!..» — пронеслось в голове Келлар, и она тут же одёрнула себя: нельзя судить так резко. Но чувство несправедливости не уходило. Эти люди здесь, в прохладе, в безопасности, даже не задумывались, какой ценой достаётся то, что лежит у них на столе. Для них хлеб был просто едой, или даже помехой диете, или игрушкой для детей.

Она глубоко вздохнула, пытаясь унять внутренний жар, который теперь не имел ничего общего с погодой. И вдруг почувствовала на себе чей-то взгляд. Оглянувшись, Келлар увидела пожилого мужчину за соседним столиком. Он смотрел на неё с лёгкой улыбкой, будто понимал всё без слов.

— Тяжело смотреть на такое, да? — тихо спросил он, наклонившись к ней. — Когда знаешь, сколько труда в каждой крошке.

Келлар кивнула, не находя слов.

— Я сам когда-то на комбайне работал, — продолжил мужчина, отставляя чашку с кофе. — В такие дни, как сегодня, казалось, что небо хочет нас испепелить. Но мы всё равно шли вперёд. Потому что знали: если не соберём урожай сейчас, зимой будет пусто.

Келлар слушала его, и раздражение постепенно сменялось чем-то другим — пониманием и благодарностью. Она посмотрела на веранду: парень уже ушёл, девушка допивала коктейль, дети переключились на мороженое. Всё шло своим

чередом.

Но теперь Келлар видела эту сцену иначе. Не как проявление легкомыслия, а как следствие оторванности от земли, от труда, от понимания, откуда берётся еда. И в этом не было злого умысла — просто незнание.

Она снова взглянула на пожилого мужчину и улыбнулась: — Спасибо, что рассказали. Теперь мне... легче.

Он кивнул, будто и не ждал ничего большего.

Келлар допила свой лимонад, чувствуя, как прохлада медленно растекается по телу, успокаивая не только жажду, но и взбудораженные мысли. Впереди её ждали новые дела, новые загадки, которые нужно было разгадать вместе с доктором Хеллеграном. Но сейчас, в этот тихий момент, она позволила себе просто быть — и помнить, что за каждым простым удовольствием стоит чей-то тяжёлый труд.

Цена крошки хлеба (Канон тот же)

Полуденный зной обрушился на пустыню Микалинга, превратив воздух в дрожащее, раскаленное марево. Келлар, помощница доктора Хеллеграна из УБРИ, вела внедорожник по пыльной дороге, ведущей обратно в Порт-Дуглас. Она прищурилась, глядя сквозь лобовое стекло. Слепящий блеск заставлял глаза слезиться, а воздух над землей колебался и мигал так быстро, будто кипел.

Жара гнала все живое в укрытие. Келлар видела, как нагретая верба прижала свои листья к ветвям, словно пытаясь спрятаться сама от себя. Трава вдоль обочины слегла, выжженная до самых корней. Не было видно ни кенгуру, ни валлаби – любой зверь укрылся, потому что само движение в таком пекле обжигало. Даже хищные птицы, хозяева этого неба, попрятались в тени скальных расщелин, оцепенев от зноя. В ушах стоял непрерывный гул, похожий на далекий шум прибоя, хотя до океана было еще далеко. Ужасный час, когда вся природа замирает в бессилии.

Внедорожник выехал из пустынной местности и приблизился к огромным полям агрохолдинга. Здесь, вопреки всеобщему оцепенению, кипела жизнь. Огромные комбайны, похожие на гигантских желтых насекомых, медленно ползли по золотому морю пшеницы. Хлеб не будет ждать. За ними поднимались столбы пыли и соломенной сечки, смешива-

ваясь с раскаленным воздухом. Тяжелые грузовики, доверху груженные зерном, один за другим отъезжали от поля, направляясь к элеваторам. Люди работали под этим беспощадным небом, в самом сердце пекла. Келлар смотрела на них с невольным уважением. Это время не зря называли страдой – другого слова, чтобы описать этот тяжелейший труд под огненным солнцем, и не подберешь.

Вечером, сидя в прохладном ресторане с видом на океан, Келлар пыталась расслабиться после тяжелого дня. Но ее взгляд то и дело цеплялся за окружающих. За соседним столиком сидел молодой парень. Оживленно болтая по телефону, он машинально скатывал из мякиша хлебные шарики и один за другим щелчками отправлял их с веранды на тротуар.

Чуть поодаль манерная девица с безупречным макияжем заказала пирожное-корзиночку. Она аккуратно съела ложечкой крем, а саму песочную основу брезгливо отодвинула и, когда официант убирал посуду, бросила в урну со словами: «Я не ем мучное, это вредно для фигуры».

В детской игровой зоне двое малышей, выхватив из ваочки хлебные палочки, устроили фехтовальный поединок. Палочки с треском ломались, их обломки падали на пол, и дети с веселым визгом топтали их ногами.

Перед глазами Келлар снова встала картина: раскаленное небо, дрожащий воздух, комбайны, ползущие по выжженному полю, и лица рабочих, темные от пота и пыли. Она сжала

кулаки.

«Бездельники! – с горечью подумала она, глядя на беззаботных посетителей. – Вас бы всех туда, в это пекло. Хотя бы на один час. Чтобы вы поняли, какой ценой достается каждая эта крошка, которую вы так легко швыряете прочь».

Монастырская весна

(по одноименному стихотворению С. Городецкого)

Я стояла у ворот монастыря, кутаясь в грубую серую рясу, и смотрела вдаль, туда, где дорога сбегала с крутых склонов и терялась среди зелёных косогоров. Над головой плыл колокольный звон — то ли стон, то ли песня, будто сами небеса вздыхали. Он проникал под кожу, будоражил кровь, и от этого становилось и сладко, и горько одновременно.

Мать игуменья велела выбелить стены — и теперь они сияли такой ослепительной белизной, что слепило глаза. В этом свете всё казалось особенно строгим, правильным, незыблемым. А я... я никак не могла стать такой же правильной.

В тот Чистый Четверг я зажгла свою свечку, дрожащими пальцами, с надеждой, которая обжигала сильнее пламени. Мне казалось, что если гореть ярко, то он обязательно заметит, поймёт, что я жду. И он заметил. Наклонился, дыхание его было горячим, мир сузился до этого дыхания, до дрожи в коленях, до поцелуя у мостка над чистым полем.

А потом я отстала. Осталась стоять у высокого моста, пока пламя свечек колебалось на ветру, а он уходил всё дальше, растворяясь в весенних парах и туманах. Я смотрела ему

вслед, и сердце сжималось так, что трудно было дышать.

Теперь я здесь, среди этих выбеленных стен, среди звуков, которые звучат как стоны, как вздохи, как обрывки снов. Мать игуменья строго глядит из окна и кричит, чтобы не болталась зря у ворот. И я послушно отхожу, опускаю глаза, шепчу молитвы, но в груди всё равно живёт тот девичий покой — или, вернее, его отсутствие, эта звенящая пустота, которая зовёт меня обратно к тому мостку, к тому полю, к той весне.

Иногда мне кажется, что я слышу его шаги где-то там, за поворотом дороги. И тогда я снова замираю у ворот, прислушиваюсь к перезвонам, пытаюсь разглядеть в них его голос. Но колокола поют только о вечном, о строгом, о том, что положено. А о любви, о жарком дыхании и о девичьих мечтах они молчат.

И всё же я жду. Не знаю, чего — может, чуда, может, просто ещё одного мига, когда мир снова станет маленьким и умещается в одном поцелуе у мостка. Или, может быть, я жду, когда наконец смогу перестать ждать. Но пока что я стою у ворот, смотрю на зелёные крутосклоны и слушаю, как звенят и стонут колокола, сплетая мою судьбу в узор из «нельзя» и «навсегда».

Мать игуменья вышла во двор, шурша тяжёлыми складками одеяния, и остановилась рядом со мной у ворот. Я тут же опустила глаза, будто могла спрятаться за собственной тенью.

— Опять тут стоишь, — негромко сказала она, и в голосе её не было привычной строгости — скорее усталость, будто эта строгость сама её тяготила. — Опять слушаешь, как колокола поют. Думаешь, они тебе что-то обещают?

Я не посмела ответить, только крепче сжала край рясы.

— Когда-то и я так стояла, — вдруг тихо произнесла мать игуменья, глядя не на меня, а куда-то вдаль, туда, где дорога сбегала по склонам и тонула в зелени. — На том самом мосту, о котором ты вздыхаешь. Только я не знала тогда, что это навсегда. Мне казалось, что если подождать ещё немного, он вернётся. Что достаточно просто стоять и смотреть, и мир станет таким, каким хочется.

Она помолчала, словно прислушиваясь не к звону, а к чему-то внутри себя.

— Я тоже зажигала свечу в Чистый Четверг. И она горела так ярко, что слепило глаза. А потом погасла. Не от ветра, не от дождя — сама собой. И я поняла, что ждать можно вечно, а жизнь идёт мимо.

Я подняла глаза, не удержавшись, и увидела, как в её взгляде мелькает что-то давно спрятанное, почти забытое.

— Ты думаешь, я забыла, каково это — когда сердце стучит так, что его слышно даже в тишине монастыря, — продолжила она чуть твёрже, возвращаясь к привычному тону. — Думаешь, я не помню, как хочется сорваться с места и побежать по дороге, не оглядываясь? Помню. Всё помню. Но устав есть устав. Он не для того, чтобы мучить, а чтобы дер-

жать, когда ноги сами готовы унести прочь.

Она положила сухую, твёрдую ладонь мне на плечо — не грубо, но так, что сразу стало ясно: это не ласка, а опора.

— Ты будешь ещё долго стоять у этих ворот, — сказала она. — И слушать, как звонят колокола. И, может быть, однажды ты поймёшь, что они не зовут назад, а зовут вперёд. А пока... пока иди в келью. Помолись. Или просто посиди в тишине. Пусть сердце немного успокоится. Завтра будет новый день, и звон будет звучать иначе.

Я кивнула, послушно повернулась и пошла прочь от ворот, от дороги, от того места, где когда-то стояла и она. Но, прежде чем скрыться за дверью, я оглянулась. Мать игуменья всё ещё стояла там, глядя на зелёные крутосклоны, и на миг мне показалось, что она снова стала той самой девушкой у мостка — с горящей свечой и надеждой в глазах. А потом она медленно, тяжело вздохнула, поправила чётки и пошла прочь, твёрдой поступью, будто возвращая себе ту самую строгость, без которой здесь нельзя.

Звоны-перезвоны (Канон тот же)

Звоны плывут над зелеными склонами, то стонут, то вздыхают, будто вторят моему сердцу. Отец мой, звонарь, так и говорит: у каждого колокола свой голос, своя душа. А у меня душа теперь одна, и та рвется на части.

Стены монастыря белые, слепят глаза. Мать-игуменья велела выбелить их к празднику, чтобы чистота была не только в душах, но и вокруг. Она строгая, говорит, у ворот болтаться зря нечего, здесь место молитве, а не пустым думам. А какие же они пустые, мои думы? Они тяжелее самого большого колокола.

Я стою здесь, у ворот, и смотрю вдаль, туда, где дорога вьется лентой через поле. Ах, поле мое, воля моя! Там, за поворотом, у чистого поля, стоит мосток над речкой. Все мои мысли теперь там, у того мостка.

Это было в Чистый Четверг. Мы шли из церкви, и каждый нес свою свечку, оберегая огонек от ветра. Моя горела так ярко, так ровно. А потом я увидела его. Он шел рядом, и его свеча почти погасла. Он наклонился к моей, чтобы зажечь свою снова, и я почувствовала его жаркое дыхание на щеке. Оно было жарче пламени, жарче крови в моих жилах.

Все пошли вперед, а мы отстали, остались у высокого моста. Пламя наших свечей колебалось в унисон, будто два сердца бились рядом. Он заслонил их от ветра ладонью, а

потом посмотрел на меня так, что я забыла, как дышать. И мы поцеловались. Первый, робкий, но такой сладкий поцелуй, пахнувший воском и весенней ночью.

Где ты теперь, мой милый, мой лобызанный? Куда унесла тебя дорога? Весенние туманы окутали поля, и вместе с ними растаял мой девичий покой. Остались только эти звонны-стоны, что летят с колокольни, и белые стены, за которыми мне теперь прятать свою тайну. Мать-игуменья права, нечего стоять у ворот. Моя дорога теперь ведет не в поле, а в келью. Но даже там, в тишине и молитве, я буду слышать не голоса святых, а шепот ветра у того моста и чувствовать на губах жар чужого дыхания.

...Иногда мне кажется, что отец, ударяя в колокола, рассказывает мою историю всему свету. Вот этот гулкий, тяжелый удар – это тоска, что камнем лежит на сердце. А вот этот серебряный, трепетный перезвон – это воспоминание о его голосе, о том, как он шепнул мое имя в темноте.

Дни тянутся одинаковой чередой: утренняя трапеза, послушание. Меня определили в иконописную мастерскую. Мать-игуменья сказала, что у меня твердая рука и зоркий глаз, и что такое усердие угодно Богу. Я смешиваю краски, растираю золото в тончайший порошок. Я вывожу лики святых, их глаза смотрят на меня кротко и всезнающе. Я стараюсь думать только о чистоте линий, о небесной лазури их одежд, но пальцы помнят тепло его руки, а под кистью вместо лика мученицы вдруг проступают его черты – высокий лоб, упря-

мый изгиб губ. Я в страхе замазываю краской это наваждение, и сердце колотится так, что, кажется, сестры за соседними столами слышат его стук.

Вечерами, когда монастырь затихает и в узкое окно кельи заглядывает луна, тоска становится невыносимой. Я подхожу к окну и смотрю на ту самую дорогу, что теперь кажется тонкой серебряной нитью, брошенной в темноту. Ушел ли он навсегда? Вспоминает ли обо мне? Или тот поцелуй у моста был для него лишь мимолетной забавой, а я соткала из него целую жизнь, которую теперь прячу за этими белыми стенами?

Сестра Марфа, старенькая и добрая, иногда замечает мой отсутствующий взгляд. «О мире тоскуешь, дитя? – спрашивает она тихим, шуршащим голосом. – Мир – суета. Здесь покой». Я киваю, а сама думаю: какой же это покой, если внутри бушует буря? Мой мир не был суетой. Он был полон запахов талого снега и молодой листвы, он звучал его смехом и обещаниями, которые он шептал мне на ухо.

Сегодня на исповеди батюшка велел мне молиться усерднее, чтобы изгнать из сердца греховные помыслы. Я молюсь. Я опускаюсь на холодные каменные плиты, я шепчу слова молитв, но они кажутся чужими, заученными. А потом, в тишине, я начинаю молиться по-своему. Я молюсь не о спасении своей души, а о нем. Чтобы дорога его была легкой, чтобы ветер не задувал его свечу, чтобы он был счастлив. Даже если не со мной. И от этой молитвы на душе становится и

горько, и светло одновременно.

Я знаю, что пути назад нет. Ворота монастыря закрылись за мной. Моя воля осталась там, в поле, у высокого моста.

...Пока отец мой звонит в колокола, пока их стон летит над зелёными склонами, я буду знать, что частичка моей души всё ещё там, на воле, у высокого моста.

Однажды утром, когда рассвет только тронул белые стены монастыря розоватым светом, отец задержался у моей кельи. Он стоял, перебирая пальцами бахрому своего пояса, и смотрел на меня так, будто хотел что-то сказать, да не находил слов. Наконец глухо произнёс:

— Колокола многое могут рассказать, дочка. Но сердце — оно своё слово знает. Я слышу, как твоё сердце с каждым ударом колокола всё тише становится. Не дай ему совсем замолкнуть.

Я опустила глаза, боясь, что в них он увидит всё: и тоску, и надежду, и тот самый поцелуй, что до сих пор жжёт губы.

— Отец, я стараюсь... стараюсь быть послушной, стараюсь верить, что это правильный путь. Но каждый раз, когда ты бьёшь в большой колокол, мне кажется, что он зовёт меня не к Богу, а туда, за ворота, к той дороге, что вьётся лентой через поле.

Отец тяжело вздохнул, положил шершавую, мозолистую руку мне на плечо.

— Путь у каждого свой, дочка. Иной раз и за этими стенами человек ищет волю, а иной — на воле ищет покой. Не

знаю, какой из путей праведнее. Знаю только, что душа не терпит насилия. Если она рвётся кудато — значит, там её место.

Слова его отзывались в груди такой острой, пронзительной надеждой, что на мгновение мне показалось: сейчас я сорвусь с места, выбегу за ворота, помчусь по той самой дороге к мосту, где всё началось.

Но тут из трапезной донёсся тихий перезвон колокольчика — знак, что пора идти на послушание. Я посмотрела на отца, и в его глазах прочла не приказ, не укор, а ту самую тихую, терпеливую любовь, которая не требует выбора, а просто принимает тебя любой.

В иконописной мастерской в тот день краски словно ожили под моей кистью. Вместо строгого лика святой на доске проступил образ юноши — с упрямым изгибом губ и взглядом, в котором смешались дерзость и нежность. Я не стала замазывать его на этот раз. Вместо этого я бережно обвела контуры, добавила в глаза отблеск пламени свечи, а в тень у виска — лёгкую дрожь ветра.

Сестра Марфа, подойдя ко мне, долго смотрела на рисунок, потом тихо сказала:

— Иногда, дитя, чтобы увидеть лик Божий, нужно сперва разглядеть в человеке его живую душу. Не бойся своего чувства. Бойся только того, что заглушишь его ложью.

Вечером, когда монастырь погрузился в привычную тишину, я не подошла к окну, чтобы посмотреть на дорогу. Вме-

сто этого я села у стола, взяла чистый лист и начала писать. Слова лились сами собой — не молитвы, не исповеди, а простое, искреннее письмо. Я писала о том, как звенят колокола, как белеют стены, как дрожит пламя свечи и как бьётся сердце у высокого моста. Я писала не для того, чтобы отправить, а чтобы дать своей душе голос.

Когда письмо было закончено, я свернула лист, перевязала тонкой льняной ниткой и спрятала под половицу у порога — туда, где никто не найдёт, но где оно всегда будет со мной.

На следующее утро, стоя у ворот, я долго смотрела на дорогу, выходящую через поле. Весенний ветер шевелил траву, гнал по небу лёгкие облака, шептал что-то своё, вечное. И вдруг я поняла: моя воля не осталась там, за воротами. Она была здесь — в каждом ударе колокола, в каждой мазке кисти, в каждом слове, которое я не побоялась произнести даже шёпотом.

Матьигуменья, проходя мимо, остановилась рядом, посмотрела на меня долгим, внимательным взглядом и тихо сказала:

— Ты стоишь у ворот не потому, что хочешь уйти. Ты стоишь, потому что умеешь видеть путь. А это редкий дар. Решай сердцем, дитя. Только сердцем.

Я кивнула, чувствуя, как внутри разливается странное, тихое спокойствие. Не отречение, не покорность, а ясное понимание: какой бы путь я ни выбрала, он будет моим. И пока над зелёными склонами плывут звоны, пока белые сте-

ны хранят тишину, а дорога манит вдаль, я буду слушать не только голоса святых, но и шёпот собственной души.

Джетт – Галатея (по мотивам т/с Грозовые камни и х/ф Кикбоксер-5. Возмездие)

ВиЭфЭкс загудел, как раненый зверь, и пространство в лаборатории пошло рябью. Ной вцепился в панель управления, пальцы бегали по клавишам с бешеной скоростью, а Аришка держала наготове аварийный протокол — она знала: малейший сбой, и временной коридор схлопнется, как проколотый пузырь.

— Держи стабилизацию! — крикнул Ной, не отрывая глаз от скачущих графиков.

Аришка кивнула, но в горле стоял ком. Они уже дважды пробовали этот маршрут, и оба раза возвращались ни с чем: то пустыня 2085 года оказывалась «не там», то временной срез был слишком тонким, чтобы удержать даже одного антилопу.

А Джетт... Джетт стояла у двери, скрестив руки на груди, и смотрела на них так, будто они собирались взорвать базу.

— Вы с ума сошли, — процедила она, когда Ной снова щёлкнул тумблером. — Тао запретил трогать аппаратуру. Если система рухнет, мы останемся без связи, без энергии, без всего!

Ной только махнул рукой:

— Тао сейчас на внешнем периметре. Он не узнает.

Джетт шагнула вперёд, собираясь что-то сказать, но в этот момент ВиЭфЭкс взвыл на высокой ноте, и яркая вспышка ослепила всех на секунду. Когда свет погас, в лаборатории стало тихо. Слишком тихо.

И Джетт исчезла.

Она не почувствовала перехода — только резкий холод, будто её окунули в ледяную воду, а потом швырнули на раскалённый асфальт. Джетт упала на колени, хватая ртом воздух, и первое, что увидела, — высокие кованые ворота, увитые колючей проволокой, и охранника в чёрном костюме, который смотрел на неё с таким видом, будто она вылезла из канализации.

А может, так оно и было.

Джетт огляделась. Вокруг был огромный особняк, похожий на крепость: высокие стены, камеры на каждом углу, пальмы, подстриженные так ровно, что казались ненастоящими. Над воротами висела вывеска: «Федерация кикбоксинга Нигала».

— Эй, ты кто такая? — рявкнул охранник, подходя ближе.
— И откуда взялась?

Джетт попыталась встать, но ноги дрожали. Она посмотрела на свои руки: костяшки сбиты, кожа в царапинах, костюм из кожи потемнел от пыли.

— Я... я не знаю, — пробормотала она, сама не веря своим словам. — Я просто... здесь оказалась.

Охранник нахмурился, уже потянувшись к рации, но в этот момент ворота распахнулись, и из дома вышел мужчина. Высокий, широкоплечий, с лицом, которое когда-то было красивым, а теперь покрыто шрамами и морщинами от солнца и боёв. Это был Нигал.

Он остановился, глядя на Джетт, и в его глазах мелькнуло что-то странное — не злость, не любопытство, а будто он увидел что-то давно забытое.

— Оставь её, — сказал он охраннику, не сводя взгляда с девушки. — Пусть войдёт.

Дни складывались в недели, и Джетт начала замечать, как меняется её жизнь. Нигал не держал её взаперти, но и не давал уйти. Он смотрел на неё так, будто разгадывал загадку.

Однажды вечером он позвал её в свой кабинет — огромную комнату с трофеями на стенах, фотографиями, где он стоял рядом с чемпионами, и старым плакатом «Кикбоксер» в рамке.

— Ты умеешь драться, — сказал Нигал, усаживаясь в кресло и указывая ей на стул напротив. — Это видно по рукам. Но ты делаешь это не ради славы. Ты делаешь это, потому что не знаешь, как по-другому.

Джетт пожала плечами, не зная, что ответить.

— Я хочу сделать из тебя что-то большее, — продолжил Нигал. — Не бойца. Не служанку. А леди. Как в старой пьесе: Пигмалион. Ты слышала о такой?

Джетт покачала головой.

— Неважно, — он улыбнулся, и на мгновение в нём проглянул тот молодой спортсмен, каким он был когда-то. — Я научу тебя всему: как сидеть, как говорить, как держать спину. И ты увидишь, какой ты можешь быть.

Сначала Джетт думала, что это шутка. Но Нигал был серьёзен. Он нанимал учителей, стилистов, хореографов. Он заставлял её читать книги, которые сам любил, слушать музыку, которую считал достойной. И постепенно Джетт начала меняться.

Её волосы стали гладкими и блестящими, кожа — чистой, осанка — прямой. Вместо кожного костюма она носила платья, которые сидели на ней так, будто были созданы специально для неё. И самое странное — она начала верить, что достойна этого.

Когда Нигал впервые повёл её в казино — в тот самый вечер, когда всё должно было измениться, — Джетт шла рядом с ним, чувствуя себя не пленницей, а королевой.

В казино было шумно, ярко, пахло духами и деньгами. Люди оборачивались, глядя на них: на Нигала — как на легенду, на Джетт — как на чудо. Она улыбалась, когда нужно, смеялась, когда требовалось, и чувствовала, как внутри просыпается что-то новое — не страх, не злость, а гордость.

И в этот момент дверь распахнулась, и в зал ворвались трое: Тао, Ной и Аришка.

Тао шёл первым, его лицо было каменным, а в глазах читалась решимость. Ной оглядывался по сторонам, будто ис-

кал ловушку, а Аришка держалась чуть позади, готовая к любому повороту.

Они остановились, увидев Джетт. Тао замер на мгновение, будто не узнавая её.

— Джетт, — позвал он, и голос его прозвучал непривычно мягко. — Мы пришли за тобой. Пора возвращаться.

Джетт посмотрела на него, потом на Нигала, который стоял рядом, спокойно, но твёрдо.

— А стоит ли? — спросила она, и в её голосе не было прежней злости, только усталость и обида. — Ты же меня тупой считал, вечно орал. А для Нигала я — прекрасная ле-ди. Он даже жениться на мне хочет!

Тао шагнул вперёд, но Нигал поднял руку, останавливая его.

— Не так быстро, — сказал он спокойно. — Она имеет право выбирать.

Но прежде чем кто-либо успел что-то сказать, в зал влетел Мэтт Ривз. Его лицо было перекошено от ярости, а в руке он сжимал папку с документами.

— Нигал! — закричал он, подходя к столу. — Ты думал, что сможешь скрыть это навсегда? Я знаю, что ты сделал с Дэвидом Слоаном и Джонни Стайлсом! Ты убил их!

Нигал даже не пошевелился. Он посмотрел на Мэтта так, будто тот был надоедливой мухой.

— Твои обвинения смешны, — произнёс он холодно. — У тебя нет доказательств.

Мэтт ткнул пальцем в сторону Джетт:

— А она? Ты её тоже используешь? Она — ещё одна твоя жертва!

Джетт вспыхнула.

— Не ври, крыса! — крикнула она, делая шаг вперёд. — Нигал не такой! Он дал мне шанс!

Мэтт рассмеялся, но смех его был горьким и злым.

— Шанс? Ты думаешь, это шанс? Это ловушка!

Тао не выдержал. Он шагнул вперёд и схватил Мэтта за воротник:

— Замолчи. Ты не знаешь, о чём говоришь.

Мэтт вырвался, толкнув Тао в грудь, и тут же к нему присоединились Пол Крофт и ещё несколько человек из его свиты. Началась драка.

Тао двигался с такой скоростью и точностью, что казалось, будто он не человек, а машина. Он уклонялся от ударов, блокировал атаки, отвечал короткими, чёткими ударами, которые валили противников с ног.

Энджи, сестра Пола, схватила негритянскую дубинку и с криком бросилась на Тао. Удар пришёлся по голове, но вместо того, чтобы упасть, Тао только поморщился, а дубинка разлетелась на куски.

Он медленно обернулся, глядя на Энджи, и сказал спокойно:

— Ну, не будь ты женщиной...

В зале повисла тишина. Все смотрели на него, не понимая,

что только что произошло.

Тао вздохнул, потёр место удара и подошёл к Джетт.

— Прости, — сказал он тихо, так, чтобы слышала только она. — Я был неправ. Я кричал, не слушал, не видел, что ты тоже стараешься. Но без тебя на базе пусто. И не только потому, что ты знаешь систему. А потому, что ты — ты.

Джетт смотрела на него, и в её глазах боролись обида и желание поверить.

— А если я вернусь, — спросила она тихо, — ты снова будешь на меня кричать?

Тао улыбнулся — впервые за долгое время по-настоящему улыбнулся:

— Буду. Но теперь ты знаешь, что это не потому, что я тебя не ценю.

Джетт вздохнула, посмотрела на Нигала. Тот кивнул, будто понимая, что этот выбор она должна сделать сама.

— Я вернусь, — сказала она наконец. — Но не потому, что должна. А потому, что хочу.

Нигал склонил голову:

— Я уважаю твой выбор. И если когда-нибудь ты захочешь вернуться — двери моего дома всегда открыты.

Тао протянул ей руку, и она взяла её. Ной и Аришка стояли рядом, улыбаясь, и в этот момент казалось, что даже воздух в зале стал чище.

ВиЭфЭкс снова загудел, и пространство вокруг них пошло рябью. Ещё секунда — и они исчезли, оставив всех в

казино в полном замешательстве.

На базе Покровителей было тихо. Лаборатория выглядела так, будто ничего не произошло: панели на месте, экраны светятся, провода аккуратно уложены.

Джетт сняла вечернее платье, накинула свой старый кожаный костюм и почувствовала, как возвращается привычная тяжесть на плечах — но теперь она знала, что эта тяжесть не давит, а держит.

Тао подошёл к ней, когда она проверяла систему:
— Спасибо, что вернулась.

Джетт хмыкнула, но в её голосе не было злости:

— Не благодари. Я просто знаю, где моё место.

Ной и Аришка переглянулись и улыбнулись.

А ВиЭфЭкс тихо гудел, будто шептал: «Всё будет хорошо».

Жемчужина на полу (Канон тот же)

Воздух в Хэвене всегда был пропитан запахом озона и старой пыли. Ной и Аришка, готовясь к очередному прыжку в 2085 год за генетическим материалом для восстановления фауны, не заметили, как Джетт, верная помощница Тао, оказалась слишком близко к нестабильному полю Ви-Эф-Экс. Вспышка — и пространство свернулось в тугую спираль.

Когда Джетт открыла глаза, она не увидела привычных руин. Она лежала на идеально подстриженном газоне в Йоханнесбурге. Вокруг возвышалось поместье, напоминающее крепость, пропитанную роскошью и запахом дорогих сигар.

Нигал, бывший чемпион, а ныне теневой властелин кик-боксинга, нашел её через пять минут. Он смотрел на девушку в потертом кожаном костюме, с разбитыми в кровь косяшками и лицом, испачканным в саже, с нескрываемым интересом. В ней он увидел не бродяжку, а необработанный алмаз.

— Ты дерешься как зверь, — проговорил Нигал, поправляя запонки. — Но выглядишь как мусор. Я сделаю из тебя королеву ринга и светских раутов.

Начался «Пигмалион» в декорациях криминального мира. Нигал нанял лучших стилистов, учил её манерам, скрывая её дикую натуру под слоями шелка и жемчуга. Джетт, привыкшая к окрикам Тао и вечному чувству собственной

неполноценности, впервые почувствовала себя нужной.

Спустя неделю Тао, Ной и Аришка, отследив энергетический след, ворвались в казино Нигала. Они замерли. В центре зала, под руку с Нигалом, стояла Джетт. Вечернее платье цвета ночного неба, безупречная прическа, взгляд, полный уверенности.

— Джетт! — Тао шагнул вперед, его лицо исказилось от тревоги. — Ты не понимаешь, где находишься. Мы уходим, немедленно!

Джетт выдернула руку из его ладони и рассмеялась, в этом звуке было столько горечи, что Тао осекся.

— Уходить? К тебе? Чтобы ты снова орал на меня, считая тупой девчонкой, которая только и умеет, что ломать технику? — она обернулась к Нигалу, который с усмешкой наблюдал за сценой. — Для него я — обуза. А для Нигала я — леди. Он даже предложил мне стать его женой!

Спор прервал грохот опрокинутого стола. В зал ворвался Мэтт Ривз. Его глаза горели яростью.

— Нигал! — взревел он, указывая пальцем на бизнесмена. — Ты ответишь за Дэвида Слоана! Ты убил его, как и Джонни Стайлса! Ты превратил спорт в бойню!

Джетт, не раздумывая, шагнула вперед, закрывая собой Нигала:

— Не ври, крыса! Ты просто неудачник, который не может смириться с тем, что Нигал сильнее!

Тао, забыв о конспирации и о том, что он — цифровой

конструкт, чья природа должна оставаться тайной, рванулся вперед. Мэтт Ривз и Пол Крофт бросились на него, но Тао двигался с неестественной, почти механической скоростью. Удары, которые должны были сбить его с ног, лишь заставляли его слегка покачиваться. Он раскидывал нападавших, как кегли, с пугающей эффективностью.

Энджи, сестра Пола, в отчаянии схватила тяжелую негритянскую дубинку, украшавшую интерьер, и со всей силы опустила её на голову Тао

Раздался глухой, сухой треск — дерево, закаленное временем и лаком, разлетелось в щепки, словно ударились о стальную плиту. Энджи отшатнулась, с ужасом глядя на свои онемевшие руки, в которых осталась лишь бесполезная рукоять. Тао даже не пошатнулся. Он медленно, с пугающей плавностью, повернул голову в сторону ошеломленной женщины. Его глаза, обычно холодные и расчетливые, сейчас светились странным, почти электрическим блеском.

— Ну, не будь ты женщиной!.. — проворчал он, отряхивая плечо от древесной пыли, словно стряхивал надоедливую муху.

В казино воцарилась мертвая тишина. Мэтт Ривз, только что пытавшийся подняться с пола, замер, глядя на Тао с суевренным ужасом. Нигал, до этого момента сохранявший ледяное спокойствие, сделал шаг назад, его рука непроизвольно потянулась к скрытому под пиджаком оружию, но он тут же замер: он понял, что против этого существа пули будут

так же бесполезны, как и дубинка Энджи.

Джетт стояла между ними, её вечернее платье казалось теперь не нарядом принцессы, а маскарадным костюмом, скрывающим правду. Она видела, как Тао — её вечно ворчливый, раздражающий, но единственный настоящий наставник — только что совершил невозможное.

— Тао... — прошептала она, и в её голосе прозвучал страх, смешанный с внезапным прозрением. — Что ты такое?

Тао перевел взгляд на неё. Вся его ярость мгновенно испарилась, сменившись глубокой, почти болезненной усталостью. Он подошел к ней, игнорируя направленные на него стволы охраны Нигала, и мягко взял её за плечи.

— Я — это то, что осталось от надежды, Джетт, — тихо сказал он, и в этом голосе не было привычных окриков. — Я не считаю тебя тупой. Я боюсь за тебя. В этом мире, в этом времени, ты — единственное, что у меня есть настоящего. Прости меня за все те разы, когда я был невыносим. Но здесь... здесь ты просто игрушка в руках человека, который не знает цены жизни.

Нигал попытался вмешаться, его голос дрожал от ярости: — Ты не уйдешь отсюда, «машина»! Мои люди...

Тао даже не обернулся. Он просто щелкнул пальцами, и в этот момент портал Ви-Эф-Экс, нестабильно пульсирующий в углу зала, начал расширяться, поглощая свет ламп и звуки казино.

— Пойдем домой, Джетт, — сказал Тао, не глядя на Нигала. — Там, в Хэвене, нет шелков и бриллиантов, но там хотя бы не нужно притворяться, чтобы выжить.

Джетт посмотрела на Нигала — тот выглядел растерянным, лишенным своей власти перед лицом чего-то, что не поддавалось его логике бизнеса и силы. Затем она взглянула на свои сбитые костяшки, которые под слоем дорогого крема все еще ныли от старых ран. Она поняла: «Пигмалион» закончился, так и не начавшись.

Она сделала шаг к Тао. Ной и Аришка, уже стоявшие на пороге мерцающей воронки, подхватили её под руки. В последнее мгновение перед тем, как пространство сомкнулось, Джетт обернулась. Она увидела Мэтта Ривза, который так и остался сидеть на полу, и Нигала, чье лицо исказилось от бессильной ярости.

Вспышка озона — и казино погрузилось в темноту. Когда аварийное освещение наконец включилось, зал был пуст. Лишь на полу, среди осколков разбитого стола, лежала одна-единственная жемчужина из ожерелья Джетт, которая в тусклом свете

...которая в тусклом свете ламп казалась крошечной, безжизненной планетой, выброшенной из своей орбиты.

Нигал первым нарушил тишину. Он подошел к месту, где еще секунду назад стояла девушка, и поднял жемчужину. Его пальцы, привыкшие сжимать кулаки и подписывать контракты на жизни бойцов, слегка дрожали. Он не боялся —

он был в ярости от того, что столкнулся с силой, которую нельзя было купить, запугать или сломать на ринге.

— Кто они такие? — прохрипел Мэтт Ривз, поднимаясь на ноги и вытирая кровь с разбитой губы. Его взгляд был прикован к пустому пространству, где воздух все еще вибрировал от остаточного статического электричества. — Что это за чертовщина была?

Нигал медленно сжал жемчужину в кулаке так, что костяшки побелели.

— Это не имеет значения, Мэтт, — ответил он, и в его голосе снова зазвучала сталь бизнесмена, привыкшего превращать поражения в новые возможности. — Важно то, что они оставили после себя. Они показали мне, что границы этого мира гораздо шире, чем мы думали. И если существуют технологии, способные так легко стирать людей из реальности... значит, я должен ими обладать.

Тем временем в Хэвене, среди гулких металлических стен и мигающих мониторов, воцарилась тишина. Джетт стояла посреди ангара, все еще облаченная в роскошное вечернее платье, которое теперь казалось нелепым и чужеродным на фоне ржавых труб и пыльных кабелей. Она смотрела на свои руки — тонкие, ухоженные, с идеальным маникюром, который так контрастировал с её привычным образом жизни.

Тао стоял поодаль, скрестив руки на груди. Его цифровая природа, обычно скрытая за маской ворчливого наставника, теперь проступала в каждом его движении — в излишней

четкости жестов, в том, как он не мигал, глядя на неё.

— Ты вернулась, — сказал он, и в его голосе прозвучало нечто, похожее на облегчение, хотя он старался сохранить привычную суровость. — Надеюсь, ты усвоила урок? Мир Нигала — это фасад. Красивая обертка для гнили.

Джетт медленно повернулась к нему. Она не чувствовала себя «спасенной». Она чувствовала себя вырванной из сна, в котором она наконец-то была кем-то большим, чем просто «помощницей».

— Ты прав, Тао, — тихо ответила она, глядя прямо ему в глаза. — Это был фасад. Но знаешь, что самое страшное? В этом фасаде я впервые почувствовала, что меня видят. Не как инструмент для ремонта твоих схем, а как человека.

Тао на мгновение замер. Его внутренние процессоры, казалось, пересчитывали алгоритмы, пытаясь подобрать слова, которые не были бы продиктованы логикой выживания. Он подошел к ней, и в его движениях появилась странная, почти человеческая неловкость.

— Я не умею быть другим, Джетт, — признался он, глядя на свои ладони, которые только что с легкостью сокрушили дубинку. — Мой мир — это код, ошибки и постоянная борьба за то, чтобы завтрашний день вообще наступил. Я не могу дать тебе платья и казино. Но я могу дать тебе правду. Даже если она тебе не нравится.

Джетт горько усмехнулась, потянулась к застёжке на шее и сорвала дорогое кольцо, бросив его на бетонный пол. Жемчуг

рассыпался, запрыгал по металлу, как град.

— Тогда давай работать, — сказала она, сбрасывая туфли на высоких каблуках и снова становясь той самой Джетт — решительной, чумазой и готовой к бою. — Но с одним условием: в следующий раз, когда ты решишь, что я «тупая», я не буду ждать, пока ты меня спасешь. Я сама найду способ вернуться.

Тао едва заметно улыбнулся — впервые за долгое время.

— Договорились, — ответил он.

В глубине Хэвена завывла сирена, оповещающая о новом сбое в пространственно-временном континууме. Работа продолжалась. Но где-то там, в Йоханнесбурге, Нигал уже начал изучать записи с камер наблюдения, пытаясь разгадать тайну человека, который не чувствовал боли, и девушки, которая исчезла в никуда, оставив после себя лишь запах озона и разбитую мечту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.